

Check for updates

Теория и история культуры, искусства

УДК 398.2:008:811.511

EDN SRVGFW

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-3-252-261>

Научная статья

Образы-универсалии в эпосе народов Евразии: опыт типологического анализа

А. И. Нехвядович ¹

¹ Алтайский государственный университет, 656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, д. 61

Для цитирования:

Нехвядович, А. И. (2025) Образы-универсалии в эпосе народов Евразии: опыт типологического анализа. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 7, № 3, с. 252–261. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-3-252-261> EDN SRVGFW

Получена 20 сентября 2025; прошла рецензирование 15 октября 2025; принята 16 октября 2025.

Финансирование:

Статья подготовлена в рамках государственного задания Алтайского государственного университета «Тюркский мир „Большого Алтая“: единство и многообразие в истории и современности» (проект № 6666-25).

Права: © А. И. Нехвядович (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY 4.0.

Аннотация. Статья посвящена одной из ключевых проблем современного гуманитарного знания — определению и типологии образов универсалий в эпическом наследии народов Евразии. Актуальность исследования обусловлена необходимостью перехода от фрагментарного изучения национальных эпосов к их интегративному осмыслению как единого, динамично развивающегося межкультурного пространства. В условиях глобализации и активного диалога культур выявление общих мифопоэтических и историко-культурных оснований, связывающих устные традиции разных народов, приобретает особую значимость для понимания механизмов формирования цивилизационной идентичности. Несмотря на наличие множества работ, посвященных отдельным эпическим памятникам, компаративный анализ сквозных инвариантных структур на общевразийском уровне остается научной лакуной, что требует разработки адекватного методологического инструментария. Цель статьи заключается в разработке типологической классификации образов-универсалий в эпосе народов Евразии и определению их роли в структуре эпического повествования. Объектом исследования выступает эпическое творчество Евразии, предметом — система универсальных образов, мотивов и пространственных моделей. Методологическая база работы основана на комплексном подходе, сочетающем сравнительно-исторический, структурно-типологический и мифопоэтический методы анализа. Такой подход позволяет выявлять и сопоставлять инвариантные элементы в различных эпических традициях для установления их типологического сходства. Основные результаты исследования заключаются в систематизации и детальном анализе функций, выполняемых образами-универсалиями. В статье выделены и охарактеризованы пять таких функций: структурообразующая, медиативная, сюжетообразующая, интегративная и адаптивно-трансформационная. В работе доказано, что самобытность каждой эпической традиции определяется не столько уникальностью набора универсалий, сколько спецификой их аксиологической иерархии и стратегией нарративной реализации, что открывает новые перспективы для дальнейших исследований в этой области.

Ключевые слова: эпос, культурные универсалии, сравнительная типология, нарратив, мифопоэтика, Евразия, межкультурная коммуникация, функции образа

Universal images in the epic poetry of Eurasian peoples: A typological analysis

L. I. Nekhvyadovich ✉¹

¹ Altai State University, 61 Lenina Ave., Barnaul 656049, Russia

For citation: Nekhvyadovich, L. I. (2025) Universal images in the epic poetry of Eurasian peoples: A typological analysis. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 7, no. 3, pp. 252–261. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-3-252-261> EDN SRVGFW

Received 20 September 2025;
reviewed 15 October 2025;
accepted 16 October 2025.

Funding: This study was carried out as part of the state assignment of Altai State University ‘The Turkic world of the “Great Altai”: Unity and diversity in history and modernity’ (project No. 6666-25).

Copyright: © L. I. Nekhvyadovich (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Abstract. This article focuses on a central challenge in modern humanities: defining and categorizing universal images within the epic heritage of Eurasian peoples. The research is necessitated by the need for a transition from the fragmented study of national epics to an integrative understanding of them as a unified, dynamically developing intercultural space. In the context of globalization and active cultural dialogue, identifying the common mythopoetic and historical–cultural foundations that link oral traditions of different nations is vital for understanding the mechanisms of civilizational identity formation. Despite numerous studies of individual epic texts, the comparative analysis of invariant structures at the pan-Eurasian level is still lacking, requiring the development of an appropriate methodological toolkit. The article aims to develop a typological classification of universal images in the epic tradition of Eurasian peoples and to identify their role in the structure of epic narratives. The study focuses on the epic creativity of Eurasia, analyzing the system of universal images, motifs, and spatial models. The methodological framework relies on an integrative approach combining comparative–historical, structural–typological, and mythopoetic methods of analysis. This approach enables the identification and comparison of invariant elements across various epic traditions to establish their typological similarity. The main findings include systematization and detailed analysis of the functions performed by universal images. Five such functions are identified and described: structuring, mediating, plot-forming, integrating, and adaptively transformational. The study establishes that the uniqueness of each epic tradition lies not so much in the singularity of its set of universals, but in the specifics of their axiological hierarchy and narrative strategy, which opens up new avenues for further research in this field.

Keywords: epic, cultural universals, comparative typology, narrative, mythopoetics, Eurasia, intercultural communication, image functions

Постановка проблемы и обзор ранее выполненных исследований

Актуальность исследования обусловлена возрастающим научным интересом к сравнительно-историческому изучению эпического наследия как основания для понимания культурных связей народов Евразии. В условиях глобализации и межкультурного диалога обращение к образам-универсалиям в эпосе — сквозным образам, сюжетам и мотивам — позволяет выявить общие цивилизационные основы и реконструировать исторические межкультурные взаимосвязи (Борисов 2020b). Несмотря на значительный объем исследований национальных эпических традиций, проблема выявления и систематизации универсалий на общеевразийском материале остается недостаточно разработанной. Существует потребность

в решении методологических проблем сравнительного изучения эпоса, в частности в определении типологии образов-универсалий. Такое исследование вносит вклад в развитие широкой области культурологии универсалий, предметом которой являются сходные черты в разных языках и культурах мира (Путилов 1968).

Анализ научной литературы позволяет выделить несколько ключевых методологических направлений, сформировавших теоретическую базу данного исследования. Проблема определения сущности эпоса как рода литературы и явления устной традиции фундаментально разработана в трудах отечественных и зарубежных ученых. Основы структурного и историко-генетического анализа эпоса были заложены в классических трудах В. Я. Проппа, А. Н. Веселовского, М. М. Бахтина, которые исследовали морфологию повествования, генезис сюжетов

и эпический хронотоп соответственно. Специфику фольклорного эпоса изучали В. М. Жирмунский, Е. М. Мелетинский, Б. Н. Путилов. Теорию устного формульного творчества, объясняющую создание эпического текста в момент исполнения, разработали М. Пэрри и А. Лорд. Философско-культурологической основой исследования служат теория архетипов К. Г. Юнга и концепция символических форм Э. Кассирера. В отечественной науке близкие идеи «мифологем» и «архетипов» развивали О. М. Фрейденберг и А. Ф. Лосев, а понятие «инварианта» было введено в рамках структурно-семиотического подхода (В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Е. М. Мелетинский). Типология универсальных сюжетов и мотивов разрабатывалась на основе классических идей о «бродячих сюжетах» и «миграции сюжетов» (С. Ю. Неклюдов, И. В. Силантьев, В. Я. Петрухин, Е. С. Новик). Для евразийского контекста ключевыми являются труды Ж. Дюмезиля и С. С. Аверинцева по типологии культур. Конкретная типология персонажей исследовалась школой «исторической поэтики» (В. С. Бавевский, С. Н. Бройтман) и в рамках «теории сюжета» (В. И. Тюпа, М. Н. Дарвин). Таким образом, несмотря на проработанность отдельных направлений, новизна исследования определяется необходимостью в комплексном междисциплинарном подходе.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении и типологической систематизации образов-универсалий в эпосе народов Евразии для определения их роли в структуре эпического повествования.

Материалом исследования послужили опубликованные академические тексты героического эпоса трех этнолингвистических традиций Евразии. Основной корпус источников для анализа включает русский героический эпос (былины об Илье Муромце и Добрыне Никитиче по своду «Былины» ИРАИ РАН (Былины 2023)) и якутский эпос олонхо («Нюргун Боотур Стремительный»). Для подтверждения универсальности выявляемых образов и мотивов в качестве дополнительного материала привлекаются тексты дастанов Центральной Азии («Манас») (Манас... 1984–1995).

Исследование основано на комплексном подходе, сочетающем сравнительно-исторический, структурно-типологический и мифопоэтический методы анализа. Анализ эпических памятников включал в себя выявление и описание инвариантных структурных элементов (образов, мотивов, пространственных моделей) с последующим сопоставлением для установления их типологического сходства в различных

эпических традициях Евразии. Для интерпретации полученных данных привлекались принципы структурного и историко-генетического подходов к изучению фольклора.

Обоснование понятия «образ-универсалия»

В современной гуманитарной науке широко используются категории «универсалии», «архетип» и «мифологема». Несмотря на их концептуальную близость, терминологическое разграничение остается предметом научной дискуссии. Эта проблема особо актуальна в контексте изучения эпического наследия народов Евразии (тюрко-монгольских, славянских, финно-угорских и др.). Традиции этих народов формировались в условиях длительного взаимодействия различных цивилизационных моделей — кочевых и оседлых, восточных и западных, — что привело к возникновению синкретических образований на уровне образов и сюжетов. Как справедливо отмечает М. С. Степанянц, «культура строится вокруг определенного „каркаса“, составными частями которого являются мировоззренческие универсалии» (Степин и др. 2001). Развивая концепцию культурных универсалий, которые обеспечивают целостность и воспроизводство культуры (Степин 2018) и, учитывая способность эпоса к образной репрезентации мировоззренческих ориентиров, в рамках данного исследования предлагается ввести рабочее понятие «образ-универсалия» и обосновать его. «Образ-универсалия» — междисциплинарный теоретический конструкт, предназначенный для анализа художественной образности. Он позволяет преодолеть оппозицию между эмпирической конкретикой произведений и абстрактной всеобщностью культурных инвариантов. Его содержание формируется на стыке философской традиции и нескольких научных парадигм.

Исторически термин «универсалия» (лат. *universalis* — «всеобщий») происходит из средневековой философии, где центральным был спор об онтологическом статусе (Ильичев и др. 1983), позже был переосмыслен в работах И. Г. Гердера через призму национально-исторического контекста. В фольклористике С. Ю. Неклюдов отмечает, что «на статус условно „универсального“ способны претендовать, во-первых, семантические элементы, относящиеся к разным категориям фольклорно-мифологической традиции (темы, семы, модели, семантические оппозиции), и, во-вторых, организующие их (~ реализующие их) структуры (морфология),

причем подобные структуры могут быть выявлены наиболее убедительным образом — в силу своего присутствия практически в любом тексте, тогда как единицы содержательного плана представлены столь неравномерно, что говорить об их „всеобщности“ приходится лишь реконструктивно и с большими натяжками» (Неклюдов 2013). Компонент «образ» в составе термина указывает на конкретно-чувственное воплощение универсалии в тексте, преодолевая ее изначальную абстрактность.

Теоретический статус понятия «образ-универсалия» определяется на пересечении трех исследовательских парадигм:

1. *Структурно-типологическая* (А. Н. Веселовский, В. Я. Пропп, Е. М. Мелетинский, В. М. Жирмунский). В ее рамках образ-универсалия понимается как повторяющаяся инвариантная модель (сюжет, мотив, функции персонажа), варьирующая в разных культурных традициях.
2. *Архетипическая* (К. Г. Юнг, М. Элиаде, Дж. Кэмпбелл). Вводя концепцию архетипа как врожденной структуры коллективного бессознательного, К. Г. Юнг писал: «...архетип есть своего рода готовность снова и снова репродуцировать те же самые или сходные мифические идеи» (Юнг 1994, 131). Архетипы («герой», «тень», «мудрый старец») являются универсальными проформами, которые получают конкретное культурное и индивидуальное наполнение. Как отмечал Юнг, коллективное бессознательное — это «живая система реакций и диспозиций, которая невидимым, а потому и более действенным образом определяет индивидуальную жизнь» (Юнг 1994, 131). Поэтому здесь образ-универсалия трактуется как воплощения архетипа. Эта парадигма дополнена концепцией «мономифа».
3. *Семиотическая* (Ю. М. Лотман, московско-тартуская школа). Подход Ю. М. Лотмана и московско-тартуской школы позволяет рассматривать культуру как «семиосферу» — знаковую систему. В этом контексте образы-универсалии (например, Мировое древо, культурный герой) функционируют как инвариантные культурные коды, которые порождают множество текстов и смыслов (Тялова 2013).

В рамках структурно-типологического подхода, восходящего к трудам Е. М. Мелетинского (Мелетинский 2004), образы-универсалии в структуре эпического повествования выступают как системообразующие элементы, выполняющие важные функции. Эти функции

включают определение макроструктуры произведения, формирование общей архитектоники сюжета, также влияние на микродинамику нарратива посредством участия в создании персонажей, мотивов и ситуаций. Среди основных функций выделяются:

1. *Структурообразующая функция*. Образы-универсалии выступают в качестве «каркаса» эпического текста, обеспечивая его композиционную и смысловую целостность (Тамарченко 2001). Посредством повторяющихся мотивов и архетипических фигур (героя, антагониста, мудреца, трикстера) формируется устойчивая мифопоэтическая модель мира, в рамках которой индивидуальный подвиг протагониста обретает универсальное значение. Такие образы служат опорными точками, интегрирующими отдельные сюжетные линии в единое повествование, и функционируют в качестве маркеров этнокультурной идентичности.
2. *Медиативная функция*. Здесь образы-универсалии выполняют роль посредника (медиатора) между архаическим мифологическим субстратом, пластами коллективного бессознательного и актуальным историко-культурным контекстом. Через них эпическая традиция осуществляет трансляцию базовых мировоззренческих установок, кодирует сакральные смыслы и способствует аксиологической адаптации этнической общности. К примеру, кросс-культурный образ героя в эпосах тюркских, монгольских и славянских народов аккумулирует идеал гармонии с природой и космосом, выступая не просто воином, но персонификацией коллективного опыта борьбы с хаосом.
3. *Сюжетообразующая функция*. Отвечает за создание нарративной динамики. Образы-универсалии не только структурируют повествование, но и задают вектор развития сюжетных конфликтов, определяя поле возможных смысловых интерпретаций. Персонаж-трикстер, вступая во взаимодействие с героем, инициирует цепь испытаний и трансформаций (перипетий), сакральные артефакты становятся катализатором катарсиса, что формирует драматургическую напряженность и ведет повествование к кульминации и развязке.
4. *Интегративная функция*. Образы-универсалии способствуют синтезу разнородных культурных пластов, объединяя архаические мифологемы с историческими реалиями, локальные традиции — с общеєвразийскими мотивами. Эпос, таким образом, становится

пространством для диалога культур, а универсалии — инструментом осмысления этого синтеза. Через них осуществляется преемственность традиции.

5. *Адаптивно-инновационная функция.* В условиях исторических изменений образы-универсалии, обеспечивая трансформацию сюжетов, демонстрируют способность к адаптации. Они могут приобретать новые семантические оттенки и интегрировать элементы инокультурного происхождения, не утрачивая при этом своей основной структурообразующей роли. Это свойство обеспечивает жизнеспособность эпической традиции, позволяет ей оставаться актуальной в меняющемся мире и выполняет роль связующего звена между прошлым и будущим.

Таким образом, функции образов-универсалий в эпическом повествовании находятся в отношении синергии, образуя многоуровневую систему, которая включает в себя мифологические, архетипические пласты, а также «вечные образы» и универсальные мотивы. Их взаимодействие, сплавливающее воедино исторические воспоминания и миф, конституирует эпос как устойчивую знаковую систему — носителя древней мудрости, способного к самоорганизации и развитию. Данный подход открывает перспективы для сравнительного анализа эпических традиций, позволяя выявить общие истоки культур в общеевразийском контексте.

Типология образов-универсалий в евразийском эпосе

Исследование эпических памятников народов Евразии позволяет выявить ряд ключевых образов-универсалий, которые манифестируются на уровне как общих персонажей и мотивов, так и формы глубинных архетипов. Особым семиотическим статусом в эпосе наделяются сакральные объекты и природные мотивы, структурирующие мифопоэтический универсум.

Архетип Мирового древа представляет собой универсальный космологический код, организующий пространственно-временную структуру эпической вселенной в традициях народов Евразии. Согласно В. Н. Топорову, этот образ «играл особую организующую роль по отношению к конкретным мифологическим системам», интегрируя ключевые бинарные оппозиции (верх/низ, небо/земля, жизнь/смерть) в целостную модель мироздания (Топоров 2010). В якутском олонхо древо Аал Луук Мас воплощает вертикальную ось, соединяющую три мира: у его корней обитают духи Нижнего мира (Аллараа

Дойду), на стволе расположен Средний мир (Орто Дойду), а в ветвях пребывают божества Верхнего мира (Юхээ Дойду) (Попова 2010). В эпосе «Нургун Боотур Стремительный» оно описывается как стержень мироздания: «Выросшее из центра срединного мира, / С восемью ветвями, / С ветвистой вершиной, / Великое, могучее дерево / Стоит, не колеблясь...» В тюрко-монгольском эпосе («Гэсэр», «Манас») Мировое древо часто предстает как «золотое дерево» (алтын багана), символизирующее не только космический порядок, но и социальную иерархию, связывая род правителя с небесным миром (Манас... 1984–1995). Здесь сильнее выражена социально-политическая семантика. В славянской и фольклорной традиции образ дуба или березы как «мирового древа» чаще связан с календарными обрядами и идеей плодородия, что отражает аграрный контекст традиции. Таким образом, при сохранении инвариантного ядра (трехчленная структура мироздания, ось мира), семантика Мирового древа варьируется: в одних случаях доминирует космогонический аспект (олонхо), в других — социально-династический (тюрко-монгольский эпос), а в славянском эпосе акцент делается на связь с аграрными обрядами и циклическими изменениями природы.

Кульм неба и солнца представляет собой один из основных архетипов в мифоритуальной традиции народов Евразии, однако его семантика и функции существенно варьируются в зависимости от культурно-хозяйственного уклада и социальной организации. В эпических традициях северной Евразии солярный культ тесно связан с аграрным циклом и выражен в дуалистической картине мира, построенной на оппозиции света и тьмы. В русских былинах князь Владимир именуется Красным Солнышком, что не только сакрализует его фигуру, но и символически связывает благополучие общества с космическим порядком и плодородием. Напротив, у тюрко-монгольских народов с их кочевым образом жизни и военно-иерархической социальной структурой центральное место занимает культ Неба (Тенгри) как трансцендентного, абсолютно суверенного божества. Небо здесь не только космическая сила, но и источник политической легитимности и сакральной власти. Эта концепция находит прямое выражение в формуле «Силою Вечного Неба», которая закрепляла право на власть в имперской идеологии Чингисхана и его преемников. В эпосе «Гэсэр» или «Манас» благословение Неба выступает необходимым условием героической харизмы и успеха в деяниях (Жирмунский 1974).

Архетип Матери-земли — образ, присутствующий в эпосе большинства народов. Можно выделить несколько основных моделей его функционирования в героическом эпосе Евразии. При общем инвариантном ядре (земля как рождающее, женское начало) его функции и семантика существенно различаются в разных эпических традициях, отражая специфику мировоззрения этноса. В славянской традиции «Мать сыра земля» — источник физической силы для богатырей, но и высший судья. В былине «Святогор и Илья Муромец» земля не принимает на себя тяжесть грехов Святогора: «Да нельзя поднять мне сумочки, / А в сумочке лежит тяга земная. / Сказал — и провалился по колена в мать сыру землю» (Святогор и Илья Муромец... 2001). Земля здесь — живая, реагирующая сущность, носитель сакральной правды и высшей справедливости, с которой герой вступает в прямые, диалогические отношения. В тюрко-монгольской мифологии и эпосе земля (Йер-Суу или Этуген-эке) предстает как космологическое основание, пассивное и воспринимающее начало в паре с деятельным Небом-Отцом (Тенгри). Она — всеобщая прародительница и кормилица, священная родина, но ее сила носит не этический, а витальный, порождающий характер. Герой черпает в ней жизненную энергию, она является его опорой, но не оценивает его поступки. Ее сакральность — это сакральность самого бытия, а не морального закона. Типологическое сходство образа Матери-земли лишь подчеркивает фундаментальное различие в его культурной интерпретации. В славянском эпосе акцентируется этическая связь героя с родной землей, тогда как в тюрко-монгольском — его космологическая укорененность в земле-прародительнице как части мироздания.

В исследованиях принято выделять следующие архетипические персонажи:

Архетип героя является одним из центральных в эпических традициях народов Евразии. Основная функция и роль заключаются в преодолении трудностей и принятии вызова ради высшей цели, что делает его ключевым носителем культурных ценностей. При сохранении общего инвариантного ядра (борьба с хаосом, защита социума, инициация и трансформация), сравнительно-типологический анализ позволяет выделить несколько базовых этнокультурных моделей.

1. Тип «Герой-объединитель» (на примере киргизского эпоса «Манас») (Манас... 1984–1995). В данной модели центральной функцией героя становится этническая консолидация.

Манас — это не просто воитель, но отец-основатель нации, чья деятельность имеет сакральное измерение. Его роль медиатора между миром людей и высшими силами подчеркивает божественную легитимность его миссии по объединению народа.

2. Тип «Герой-демиург / гармонизатор» (на примере якутского олонхо) (Борисов 2020а). Здесь героическая миссия приобретает космогонический масштаб. Боотур не столько защищает уже существующий социум, сколько восстанавливает нарушенную космическую гармонию, сражаясь с чудовищами Нижнего мира. Его тесная связь с шаманскими практиками (медиаторство, путешествия по мирам) указывает на синкретический характер этого типа, где героическое начало неотделимо от магики-религиозного.
3. Тип «Герой-защитник веры и государства» (на примере русских былин). В этой модели архетип героя служит конкретной социально-политической и религиозной системе. Богатырь, например Илья Муромец, является защитником «Святой Руси». Его подвиги направлены против внешних врагов, угрожающих государственности и религиозной идентичности. Таким образом, героизм получает выраженное государственное и этическое наполнение, служа утверждению национально-религиозных идеалов.
4. В олонхо герой (например, Норгу Боотур) выступает как восстанавливающий нарушенный миропорядок (Попова 2010). Его борьба с чудовищами абаасы имеет космогонический характер, целью является не столько завоевание, сколько гармонизация всех трех миров Вселенной.

Сравнительный анализ трех выделенных типов показывает, что универсальная структура нарратива «пути героя» наполняется семантикой, зависящей от культурно-исторического контекста каждой традиции. Таким образом, каждый эпос подчеркивает собственные ценностные приоритеты: от утверждения этнической солидарности и гармоничного мироустройства до сохранения государственных институтов и укрепления религиозных основ.

Архетип трикстера, понимаемый в юнгианской традиции как коллективная тень, воплощающая низшие, неосознанные черты психики, является центральной фигурой для понимания механизмов обновления в эпической картине мира. При этом следует учитывать, что понятие «коллективной тени» представляет собой развитие юнгианской идеи, поскольку сам термин «тень» у К. Г. Юнга чаще относится

к индивидуальному бессознательному. Однако трактовка трикстера как коллективной Тени устоялась в литературоведении и является продуктивной для анализа эпических нарративов. Этот персонаж-плут, нарушающий божественные и социальные законы, выполняет каталитическую функцию: его действия, часто мотивированные эгоизмом или любопытством, приводят к трансформации и установлению нового порядка. В русском эпосе трикстерные функции часто оказываются рассредоточенными. Чистый, самодостаточный образ трикстера встречается редко; его черты — хитрость, склонность к обману и нарушению устоев — проявляются в поведении отдельных богатырей, как, например, у Алеши Поповича. Несмотря на то что он относится к числу положительных героев, некоторые эпизоды подчеркивают его способность к хитрости и обману. Например, в былине «Алеша Попович и Тугарин Змей» герой использует ловкость и хитрость, чтобы одержать победу над своим соперником. Подобное поведение характерно для трикстера, который достигает целей не физической силой, а интеллектуально и эмоционально. Это свидетельствует о тенденции к этической поляризации, где деструктивно-созидательная амбивалентность трикстера расщепляется, а его качества перераспределяются между определенными героическими или отрицательными фигурами. Напротив, в эпосах монгольских народов (например, в образе бурятского Будамшу) архетип сохраняет свою изначальную синкретическую природу и пластичность. Здесь Трикстер способен к контаминации с другими образами, выступая то как мудрец, то как антагонист, то как комический простак. Такая модель отражает более архаическое мировоззрение, в котором добро и зло, создание и разрушение, мудрость и глупость еще не разделены непроходимой границей и могут сосуществовать в одном персонаже, чья основная миссия — внесение беспорядка в порядок и, таким образом, создание целого (Кереньи 1999).

Архетип девы-воительницы представляет собой устойчивый образ-универсалию в эпосе народов Евразии. Его формирование, особенно в культуре кочевых народов, имело под собой реальные историко-бытовые предпосылки, связанные с высоким социальным статусом женщины и ее участием в защите рода, что нашло отражение, например, в якутском олонхо. Богатырка Кыыс Дэбиллийэ является самостоятельной эпической фигурой, равной по силе героям-боотурам (Попова 2010). Она выступает не просто как брачный партнер, а как пол-

ноправный актер в космогонической драме, защищая Средний мир. Ее образ отражает архаические матриархальные представления и идею о женской силе как неотъемлемой части космической гармонии. В киргизском эпосе «Манас» образ девы-воительницы Кыз Сайкал выполняет иную функцию (Манас... 1984–1995). Она предстает как грозная соперница, которую герой должен одолеть в поединке, чтобы подтвердить свой статус. Этот поединок часто является основой к сватовству, и побежденная воительница становится женой героя. Здесь архетип вписан в патриархальную героическую модель: женская сила признается, но в конечном счете должна быть подчинена и интегрирована в социум героя через брак. В русском былинном эпосе типологически близким образом выступает Василиса Микулишна — дочь богатыря Микулы Селяниновича и жена Ставра Годиновича. В былине «Ставр Годинович» она предстает как мудрая и сильная воительница. Этот образ сочетает в себе как архаические черты девы-воительницы (сила, воинская доблесть), так и специфически русскую социально-бытовую адаптацию: ее действия мотивированы не только личной доблестью, но и верностью семье, а также умом и хитростью, что отражает особенности социального уклада и этических идеалов Древней Руси. Интересно отметить, что в русской традиции подобные героини часто обозначались термином «поляницы» и их происхождение связывалось с влиянием степной кочевой культуры. При наличии общих типологических признаков (женщины, обладающей качествами воинской доблести), функциональные характеристики соответствующего образа отличаются в различных национальных традициях. Для якутской традиции характерно исполнение героиней роли хранительницы и гаранта устойчивости миропорядка. В противовес этому, киргизский эпос представляет образ девушки-воительницы как объект потенциального завоевания, где победа над ней способствует повышению статуса героя. Что касается русской традиции, то здесь женщина-воительница характеризуется сочетанием качеств смелости и активной социальной вовлеченности, что находит выражение в стремлении защищать семейные ценности и восстанавливать социальную справедливость.

Переходя к анализу поэтики, следует отметить, что сравнительно-типологический подход особенно продуктивен при изучении универсальных мотивов и структур, которые выступают как «типологические схождения» в литературах, не связанных прямыми контактами.

Одним из примеров такой универсалии является *мотив богатырского гнева*. Этот мотив, присутствующий в эпосе большинства народов Евразии, имеет устойчивое инвариантное ядро: гнев героя служит катализатором, высвобождающим его сверхчеловеческую силу и знаменующим переход к решающему действию. Поэтическое воплощение этого состояния также типологически сходно: оно повсеместно описывается через «огненные» и природные метафоры (кровь «закипает», «огонь» в глазах) лицо «темнеет как туча»). Однако функциональная и аксиологическая нагрузка мотива варьируется. В одних традициях (например, в русских былинах) он предстает как «гнев праведный», социально одобряемая реакция на попрание справедливости, направленная на защиту веры и государства. В эпосе тюрко-монгольских народов богатырский гнев часто приобретает черты, сходные с шаманским трансом, в котором герой черпает свою природную, хтоническую мощь (Жирмунский 1974). Типологическое сходство поэтической формулы гнева лишь подчеркивает различие в его культурной интерпретации, отражая специфику героического идеала в каждой эпической традиции.

Мотив чудесного оружия — неотъемлемый атрибут эпического героя и одна из ключевых универсалий в эпосе народов Евразии. Выступая символом избранности и сверхъестественной силы протагониста, этот мотив тем не менее получает различное семантическое наполнение в зависимости от культурного контекста. В калмыцком эпосе «Джангар» оружие героя, например меч, «испускающий искры при атаке», представляет собой архетип космического оружия. Его магические свойства активны, визуально проявлены и связаны с природными стихиями (огонь, свет). Такое оружие — не просто инструмент, а прямое продолжение сверхчеловеческой сущности богатыря, его неразрывной связи с мощью окружающего мира. В русских былинах меч-кладенец воплощает тип сокрытого, сакрального оружия. Его сила не всегда очевидна; он часто спрятан (например, под камнем или в могиле) и его необходимо добыть, пройдя испытание. Процесс обретения оружия становится актом инициации, подтверждающим право героя на владение им. Меч-кладенец символизирует не столько стихийную мощь, сколько унаследованную силу, связь с родом, землей и сакральной традицией. Сравнительный анализ показывает, как универсальный мотив оружия демонстрирует вариативность. В эпосе

кочевых сообществ оружие символизирует интеграцию героя в природный мир, выражая единство с природными стихиями и их силами. Напротив, в эпосах оседлых обществ оружие обретает дополнительный слой семантики, подчеркивающий принадлежность героя к роду, наследование культурных традиций и выполнение долга перед родной территорией.

Заключение

Проведенное исследование позволяет заключить, что система образов-универсалий формирует общие цивилизационные основы, объединяющие эпические традиции народов Евразии. Результаты анализа свидетельствуют, что, несмотря на этнокультурное разнообразие, эпическое наследие региона базируется на едином фундаменте архетипических структур, восходящих к общим мифопоэтическим истокам.

Установлено, что образы-универсалии выполняют пять взаимосвязанных функций, обеспечивающих целостность и жизнеспособность эпического пространства. Структурообразующая функция организует нарративный каркас текста через универсальные оппозиции. Медиативная функция обеспечивает трансляцию общих культурных традиций. Сюжетообразующая функция генерирует типологически сходные повествовательные коллизии. Особую роль играют интегративная функция, синтезирующая разнородные культурные пласты в единое семиотическое пространство, и адаптивно-инновационная функция, действующая как механизм культурной памяти и обеспечивающая преемственность традиции при сохранении инвариантного ядра в меняющихся исторических условиях.

Таким образом, подтверждается тезис — самобытность национальных эпосов определяется не столько уникальностью набора архетипов (герой, трикстер, Мировое древо, дева-воительница), сколько вариативностью их аксиологических иерархий и стратегий нарративной реализации. Это многообразие не отменяет глубинного типологического родства, а демонстрирует, как единые цивилизационные основания проявляются в различных культурно-исторических контекстах. Образы-универсалии выступают не только как структурный элемент отдельных традиций, но и как важнейший компонент общего евразийского культурного пространства, обеспечивающий единство в многообразии и преемственность в развитии цивилизационных моделей.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Источники

Былины. (2023) М.: Юрайт, 400 с.

Манас. *Киргизский героический эпос: в 4 кн.* (1984–1995) М.: Наука.

Попова, А. С. (2010) *Олонхо атыгар мэнэстэн*. Якутск: Медиа-холдинг «Якутия», 288 с.

Святогор и Илья Муромец: былина. (2001) [Электронный ресурс]. URL: <https://feb-web.ru/feb/byliny/texts/bl1/bl1-165-.htm> (дата обращения 17.08.2025).

Тамарченко, Н. Д. (2001) *Теоретическая поэтика: понятия и определения*. М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета, 467 с.

Словари

Ильичев, А. Ф., Федосеев, П. Н., Ковалев, С. М., Попов, В. Г. (1983) *Философский энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 840 с.

Список литературы

Борисов, Ю. П. (2020а) Параллели эпических формул в якутском олонхо и тувинском эпосе: сравнительный аспект. *Новые исследования Тувы*, № 4, с. 250–260. <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.17>

Борисов, Ю. П. (2020b) Универсалии эпических формул в якутском олонхо и шорском эпосе: сравнительный аспект. *Научный диалог*, № 5, с. 255–271. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-5-255-271>

Жирмунский, В. М. (1974) *Тюркский героический эпос*. Л.: Наука, 728 с.

Кереньи, К. (1999) Трикстер и древнегреческая мифология. В кн.: П. Радин. *Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К. Г. Юнга и К. К. Кереньи*. СПб.: Евразия, с. 241–265.

Мелетинский, Е. М. (2004) *Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаические памятники*. 2-е изд. М.: Восточная литература РАН, 384 с.

Неклядов, С. Ю. (2013) О мифологических моделях в устной традиции. В кн.: А. С. Архипова (сост.). *Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве*. М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета, с. 7–15.

Путилов, Б. Н. (1968) Проблемы жанровой типологии и сюжетных связей в русском и южнославянском эпосе. В кн.: *История, культура, фольклор и этнография славянских народов*. М.: Наука, с. 213–239.

Степин, В. С. (2018) *Человек. Деятельность. Культура*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, 796 с.

Степин, В. С., Степанянц, М. Т., Шохин, В. К. и др. (2001) *Универсалии восточных культур*. М.: Восточная литература РАН, 544 с.

Таюлова, О. И., Жаббарова, Ф. У. (2013) Категории текста как лингвистические универсалии. *Вестник Челябинского государственного университета*, № 20 (311), с. 98–100.

Топоров, В. Н. (2010) *Мировое древо. Универсальные знаковые комплексы*. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 448 с.

Юнг, К. Г. (1994) *Проблемы души нашего времени*. М.: Прогресс-Универс, 131 с.

Sources

Byliny [Russian Epics]. (2023) Moscow: Yurajt Publ., 400 p. (In Russian)

Manas. Kirgizskij geroicheskij epos: v 4 kn. [Manas. Kirghiz heroic epic. In 4 books]. (1984-1995) Moscow: Nauka Publ. (In Russian)

Popova, A. S. (2010) *Olonkho atygar menesten [Riding a horse olonkho]*. Yakutsk: Media Holding “Yakutiya” Publ., 288 p. (In Yakut.)

Svyatogor i Ilya Muromets: bylina [Svyatogor and Ilya Muromets: A bylina]. (2001) [Online]. Available at: <https://feb-web.ru/feb/byliny/texts/bl1/bl1-165-.htm> (accessed 17.08.2025). (In Russian)

Tamarchenko, N. D. (2001) *Teoreticheskaya poetika: ponyatiya i opredeleniya [Theoretical poetics: Concepts and definitions]*. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ., 467 p. (In Russian.)

Dictionaries

Il'ichev, L. F., Fedoseev, P. N., Kovalev, S. M., Popov, V. G. (1983) *Filosofskij entsiklopedicheskij slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 840 p. (In Russian)

References

- Borisov, Yu. P. (2020a) Paralleli epicheskikh formul v yakutskom olonkho i tuvinskom epose: sravnitel'nyj aspekt [Parallels of epic formulas in the Yakut olonkho and the Tuvan epic: A comparative aspect]. *Novye issledovaniya Tuvy — The New Research of Tuva*, no. 4, pp. 250–260. <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.17> (In Russian)
- Borisov, Yu. P. (2020b) Universalii epicheskikh formul v yakutskom olonkho i shorskom epose: sravnitel'nyj aspekt [Universals of epic formulas in the yakut olonkho and shor epic: Comparative aspect]. *Nauchnyj dialog*, no. 5, pp. 255–271. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-5-255-271> (In Russian)
- Jung, K. G. (1994) *Problemy dushi nashego vremeni* [Problems of the soul of our time]. Moscow: Progress-Univers Publ., 131 p (In Russian)
- Kerenyi, K. (1999) Triksster i drevnegrecheskaya mifologiya [Trickster and ancient Greek mythology]. In: P. Radin. *Triksster. Issledovanie mifov severoamerikanskikh indejtcsev s kommentarijami K. G. Yunga i K. K. Keren'i* [The Trickster. Study in American mythology with commentaries by K. K. Kerenyi and C. C. Jung]. Saint Petersburg: Evraziya Publ., pp. 241–265. (In Russian)
- Meletinskii, E. M. (2004) *Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa: rannie formy i arkhaischeskie pamyatniki* [The origin of heroic epos: Early forms and archaic monuments]. 2nd ed. Moscow: Eastern Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 384 p. (In Russian)
- Neklyudov, S. Yu. (2013) O mifologicheskikh modelyakh v ustnoj traditsii [On mythological models in oral tradition]. In: A. S. Arkhipova (comp.). *Mifologicheskie modeli i ritual'noe povedenie v sovetskom i postsovetskom prostranstve* [Mythological models and ritual behaviour in the Soviet and post-Soviet space]. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ., pp. 7–15. (In Russian)
- Putilov, B. N. (1968) Problemy zhanrovoj tipologii i syuzhetnykh svyazej v russkom i yuzhnoslavyanskom epose [Problems of genre typology and plot connections in Russian and South Slavic epics]. In: *Istoriya, kul'tura, folklor i etnografiya slavyanskikh narodov* [History, culture, folklore and ethnography of the Slavic peoples]. Moscow: Nauka Publ., pp. 213–239. (In Russian)
- Stepin, V. S., Stepaniants, M. T., Shokhin, V. K., et al. (2001) *Universalii vostochnykh kul'tur* [Universals of eastern cultures]. Moscow: Eastern Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 544 p. (In Russian)
- Stepin, V. S. (2018) *Chelovek. Deyatel'nost'. Kul'tura* [Man. Activity. Culture]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences Publ., 796 p. (In Russian)
- Tayulova, O. I., Zhabbarova, F. U. (2013) Kategorii teksta kak lingvisticheskie universalii [Categories of text as linguistic universals]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 20 (311), pp. 98–100. (In Russian)
- Toporov, V. N. (2010) *Mirovoe derevo. Universal'nye znachnye komplekсы* [World tree. Universal sign complexes]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi Publ., 448 p. (In Russian)
- Zhirmunskij, V. M. (1974) *Tyurkskij geroicheskij epos* [Turkic heroic epos]. Leningrad: Nauka Publ., 728 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Лариса Ивановна Нехвядович, SPIN-код: 2590-8849, Scopus AuthorID: 55834402700, ORCID: 0000-0002-9904-9554, e-mail: lar.nex@yandex.ru

Доктор искусствоведения, профессор, директор института, заместитель ректора института гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет».

Author

Larisa I. Nekhvjadovich, SPIN: 2590-8849, Scopus AuthorID: 55834402700, ORCID: 0000-0002-9904-9554, e-mail: lar.nex@yandex.ru

Doctor of Sciences (Art History), Professor, Director of the Institute of Humanities and Deputy Rector, Altai State University.